

А.И. Левинзон

Использование НКРЯ в преподавании дисциплины «Риторика» в вузе

Опубликовано в: Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Под редакцией Н.Р. Добрушиной. Москва 2007. С. 160-173.

Приступая к разъяснению любой новой для ученика области знания, преподаватель, как правило, начинает с краткого описания науки, о которой пойдет речь, - заметим, что такое описание студент обычно и сам может найти в энциклопедии или в словаре. Перед преподавателем предмета «Риторика» стоит более сложная задача: он обязан предложить собственное, относительно оригинальное толкование дисциплины. Определение риторики как «ораторского искусства» кажется нам совершенно недостаточным: в России этот предмет изучают и первоклассники, и пятикурсники Высшей школы экономики – и тем и другим «ораторское искусство» как таковое неинтересно и, по видимости, не нужно. Истоки теории литературы, история философских течений, обогащение повседневных речевых практик, лингвистическое манипулирование, – это лишь несколько направлений, которые может, по желанию создателя учебного курса, принять дисциплина «Риторика».

Очевидно, что обозначение сути предмета конструируется в зависимости от общей концепции преподавателя/автора учебника и не может быть найдено в чужих текстах. Чужие тексты – в нашем случае, тексты, найденные с помощью НКРЯ, - окажутся между тем крайне полезны для выяснения смысла, вкладываемого в понятие риторики аудиторией. «Борьба с залом», о которой знает любой оратор, становится особенно острой, когда оратору приходится повествовать об умении говорить. Если слова «география», «математический анализ» или «история русского литературного языка» звучат для непосвященного уха нейтрально, греческое «риторика» порождает у русскоговорящей аудитории множество коннотаций, представлять которые преподавателю необходимо хотя бы для того, чтобы развеять ложные ожидания или погасить неоправданную враждебность, связанные с его предметом.

Поиск письменных документов, в которых упоминается интересующее нас понятие, с помощью НКРЯ – занятие куда более продуктивное, чем работа с обычной поисковой системой типа Яндекс: в НКРЯ не включены учебники, рефераты и научные

статьи по риторике, а это значит, что полученные данные позволят составить представление не о мнении коллег, но о **стереотипе «риторики» в массовом сознании** (представленном через призму печатных СМИ и художественной литературы), с которым и придется начинать работать преподавателю. Еще одно достоинство Национального корпуса - способность ограничить подкорпус - в нашем случае дает возможность быстро получить искомый материал, который мог бы потонуть в обилии ссылок на античные источники и русские источники XVIII – XIX веков. Выбрав в качестве объекта анализа тексты от 1970 года создания, мы получили более 500 контекстов употребления существительного «риторика». Вот некоторые из них. (Сразу оговоримся: мы не представили здесь немногочисленные контексты, взятые, в первую очередь, из работ С.С. Аверинцева и М.Л. Гаспарова, в которых интересующее нас слово непосредственно отсылает к античности. Подобного рода тексты, хотя формально могут относиться к публицистике, в действительности представляют собой научные труды, обсуждать которые не входит в задачи нашей статьи).

*1. Ни КПРФ, ни "ЯБЛОКО", ни тем более СПС не являются ни в малейшей степени реальной оппозицией. Не партиями, в той или иной степени овладевшими оппозиционной **риторикой**, а оппозицией, представляющей реальную политическую опасность..*

[Владимир Коптев-Дворников. Ноев ковчег // "Независимая газета", 2003.03.31]

*2. Много полемической **риторики** и мало борьбы.* [Владимир Коптев-Дворников. Ноев ковчег // "Независимая газета", 2003.03.31]

*3. Но сравним чудесные слова в романе и голую **риторику** комментатора как, вероятно, их правильный перевод. [С. Г. Бочаров. От имени Достоевского (1999)]*

*4. Упор на местечковый патриотизм, радикальную **риторику**, истерический стиль ведения кампании, опереточные призывы в духе "Вставай, страна огромная" и избыточный "черный пиар" не оправдали возложенных надежд.* [Игорь Бунин. Заблаговременный проигрыш. Красноярский край: чьи шансы предпочтительнее // "Известия", 2002.09.18]

*5. В свое время его **риторикой** обманулось сразу 20 процентов избирателей.* [Г.А. Зюганов: Власть уже трижды дурила избирателей, организовывая параллельные КПРФ избирательные блоки // "Советская Россия", 2003.03.15]

*6. Сейчас коммунисты (если подразумевать под этим идеологическим брендом КПРФ как основную представительницу данного идейно-политического лагеря), несмотря на свою оппозиционную **риторику** и имидж непримиримых борцов с "антинародным режимом", являются де-факто частью общей государственной машины, создавая видимость*

конкуренции правящей элите, но не имея при этом шансов на реальный приход к власти.

[Я думаю, что... // "Вслух о.", 2003]

7. Удивительная легкость, с которой они осваивали правила советской **риторики**, позволяет им чутко реагировать на изменения правительственного курса. [Минаева Анна. "Работал на заводе до мозолистых рук" // "Отечественные записки", 2003]

8. Остервенение, с которым американцы бросились на защиту Ходорковского, по накалу страстей сопоставимо разве что с **риторикой** Рейгана об "империи зла". [Валентин Иванов. Свободу олигархам! // "Лебедь" (Бостон), 2003.12.14]

9. Далее последовала уже ставшая привычной **риторика** об "упущенном историческом шансе". [Наталья Серова. Молодые реформаторы за посты Явлинского]

10. Разве этому может помочь уменьшение области пространства-времени? Разве отсутствие законов сохранения может плавно перейти в их наличие? Разве "нет" может перейти в "да"? Драматизм подобных риторических вопросов отчасти объясняет недовольство отдельных физиков эйнштейновской теорией тяготения-пространства-времени, то есть ОТО. Но мы постараемся найти ответы на эти вопросы, для чего нам, правда, понадобится сформулировать их в менее риторической форме, а еще лучше вовсе освободить их от **риторики**. [Г. Горелик. Законы ОТО и (или) законы сохранения (?) // "Знание — сила", 1988]

11. Благоденствовали только бандитские стаи, прикрывавшие свои **постыдные** деяния ваххабитской **риторикой**. [Геннадий Трошев. Моя война (2000–2001)]

Как видим, собранные почти наугад на разных страницах примеры позволяют утверждать, что «риторика» в сознании современного носителя языка прежде всего ассоциируется с политикой. Судебная и церковная риторика, занимавшие в течение многих веков доминирующее положение среди разделов ораторского искусства, таким образом, уступили место риторике «общественной». По-видимому, подобная ситуация характерна именно для России, где в течение долгого периода советской власти словесная защита обвиняемых и составление проповедей не были востребованы государством. «Риторика» является по сути одним из параметров описания политической партии: мы бы назвали ее «стилем» выражения политической позиции, или, еще проще, «манерой говорить». Чрезвычайно показательными являются, с этой точки зрения, примеры **8** и **9**, в которых существительное «риторика» в его традиционном словарном значении явно неуместно и должно быть заменено на «слова» или «речи».

Второй вывод, основанный на анализе материала НКРЯ: «риторика» в огромном большинстве примеров предполагает отрицательную оценку. Обвинения, предъявляемые

ей современными авторами, мало отличаются от тех, что в свое время высказывались в адрес искусства, преподаваемого софистами: «риторика» представляется маской, либо прикрывающей ложь, либо скрывающей пустоту (примеры **1, 5, 6, 11**). Заметим также, что использование существительного «риторика» оказалось удобным способом избежать многословия и сократить до четырех слогов выражение «слова, не подкрепленные действием» (примеры **2, 4, 5, 11**). «Риторикой» в современном массовом употреблении может называться любой текст, противопоставленный какому-либо феномену действительности (другому тексту, поступку) как неинформативный или дающий неверную информацию (пример **3**). В повседневной речевой практике этому слову соответствовало бы выражение «пустая болтовня» - очевидно, что в приведенных примерах мы имеем дело со своеобразной демонстрацией журналистской корректности, не позволяющей открыто оскорблять представителей критикуемых политических партий.

Квинтэссенцией стереотипа «риторики» в массовом сознании представляется нам пример **10**. Следуя от «риторических вопросов» к «риторической форме», автор выдвинул очень емкую формулировку, легко переходящую в лозунг: освободить от риторики! Поиск истины, тем самым, начинается для многих с отказа от «риторики», воплощающей все мыслимые недостатки человеческой речи.

Итак, недостатком «риторики», с точки зрения неспециалиста, является не столько ее оторванность от современной действительности (НКРЯ дает нам понять, что это слово давно не связывается с Древним Римом и Грецией), сколько лживость и/или бессмысленность. «Оправдание риторики», с которого начинается большинство учебников, должно, таким образом, строиться как разрушение представлений, существующих в реальных текстах и, в частности, демонстрируемых Национальным корпусом. Одним из способов представить риторику как дисциплину, достойную внимания студентов, является определение ее как науки об убеждающей речи. Мы предложили бы в качестве упражнения, способного обосновать значимость принципов построения будущих занятий, поиск в НКРЯ контекстов, содержащих слова *убедительно говорить*. Анализ имеющихся в контексте качественных характеристик убедительной (или, напротив, неубедительной) речи позволяет реконструировать ассоциативный ряд, связанный в сознании пишущего с категорией убедительности.

Прежде чем перейти к обсуждению задания, напомним, что обучение с помощью корпусов может вестись одним из двух способов: студент либо получает задание самостоятельно (дома или в компьютерном классе) подобрать материал на заданную тему, либо пользуется данными, заранее подготовленными преподавателем. Достоинство

работы первого типа – возможность пробудить творческую инициативу ученика, недостаток – непредсказуемость результата, осмыслить который преподавателю, возможно, будет непросто. Недостаток второго способа обработки примеров – относительная пассивность ученика, от которого ожидается единственный правильный ответ, уже известный учителю; преимущество – возможность выстроить процесс обучения таким образом, чтобы полученные знания оказались частью стройной системы.

Для преподавателей, избравших второй путь, мы предлагаем ряд примеров, скомпонованных в соответствии с выводами, к которым должно привести изучение материала. Во всех группах примеров, взятых нами из текстов конца XX - начала XXI века, нас будет интересовать синонимический ряд, выстраивающийся вокруг наречия *убедительно*.

1. Презентация товаров и услуг по телефону: как говорить убедительно и аргументированно, как отвечать на возражения. [Электронное объявление (2004)].

Первый пример демонстрирует связь понятия убедительности с категорией доказательности; стоит обратить внимание студентов на то, что подобного рода контекст – единственный среди многочисленных примеров, поскольку «убеждение» предполагает аргументированность как обязательный компонент и в данном случае сочетание двух наречий выглядит почти тавтологией, оправданной, впрочем, свойственным жанру рекламы стремлением усилить воздействие за счет повторения.

Любопытны примеры 2 и 3, противопоставляющие убедительность эмоциям, связанным с любовными отношениями. Ответом на вопрос о том, почему нельзя говорить *нежно и убедительно*, может служить отсылка к средневековому аллегорическому изображению Риторике, представляющему «убеждение» в виде меча. Между тем наличие четкой собственной позиции, осознание задачи, которую призвана решить речь, предполагают умение действовать по заранее обозначенному плану – качество, традиционно порицаемое во влюбленных.

2. — Теперь Глеб старался говорить ласково, но убедительно. [Марианна Баконина. Школа двойников (2000)]

3. Потому что буду говорить нежно, но убедительно. [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]

Пример 4 примыкает к предыдущим группам и представляет обращение оратора к чувствам аудитории как особый способ аргументирования, как продуманную и, тем самым, в некотором смысле искусственную процедуру.

4. — *Я стараюсь говорить проникновенно и убедительно.* [Варвара Сеницына. *Муза и генерал (2002)*]

Цель исследования примеров 1 - 4 – изображение убеждающей речи как речи, лишенной спонтанности, выстраиваемой по установленным правилам и требующей предварительной подготовки. Именно на этом этапе анализа мы предложили бы ввести понятия инвенции и диспозиции как разделов риторики, объясняющих принципы подбора и расположения материала для текста.

Термин акцио и обозначенные им правила произнесения речи оратором, выступающим перед публикой и рассчитывающим ее убедить, могут стать предметом обсуждения, логически вписанным в разговор о следующей группе примеров.

5. *Мой друг Сева всегда говорил пламенно и убедительно:* [Аркадий Инин. *Настоящий друг (1986)*]

6. *Он говорил легко, уверенно, убедительно, и она постепенно успокоилась.* Юрий Домбровский. *Ручка, ножка, огуречик (1977)*]

7. *Но говорите спокойно и убедительно.* [Владимир Шахиджанян. *1001 вопрос про ЭТО (№№ 1–500) (1999)*]

И, наконец, связь убедительности с ясностью и красотой, а следовательно, и необходимость изучения элокуции (науки о «блеске» речи, если пользоваться языком примеров НКРЯ, см. пример 12) удобно продемонстрировать, говоря о последней из выделенных нами групп.

8. *Это может быть умение говорить, говорить красиво, убедительно на большую аудиторию.* [Семинар по психологии, МПГУ, Москва // (2004.11.04)]

9. *Говорил он образно, убедительно.* [Юрий Никулин. *Мое любимое кино (1979)*]

10. *Но на июньском (1957 года) Пленуме ЦК КПСС, где он резко и, как говорили, ярко и убедительно выступил против Молотова, Маленкова, Кагановича* [Георгий Арбатов. *Человек Системы (2002)*]

11. Для нашей группы он **говорил очень убедительно и ясно**. [Сергей Есин. *Выбранные места из дневника 2001 года // "Наш современник", 2003*]

12. Он **говорил блестяще и убедительно**. [Катанян Василий. *Лиля Брик. Жизнь (1999)*]

Составленное с помощью НКРЯ упражнение, на наш взгляд, позволяет представить традиционные разделы античной риторики, в соответствии с которыми до сих пор обычно строится изучение этого курса, как необходимые этапы, которые обязан пройти любой автор текста, поставивший целью убеждение аудитории. Движение от близких студенту несложных контекстов к непривычным латинским терминам дает возможность сделать акцент на актуальности всех частей курса и представить терминологию как понятийный аппарат, называющий смыслы, интуитивно угадываемые большинством носителей языка.

После того как понятия инвенции, диспозиции, акцию и элокуции будут представлены студентам (меморио, как правило, остается за рамками университетских курсов), мы предложили бы провести еще одно небольшое исследование, цель которого - **установить, как используются в современном обиходном языке слова**, с которыми аудитория только что познакомилась, и тем самым по возможности «оживить» и приблизить к ученикам эти странно звучащие наименования.

На первое существительное – инвенцию – Национальный корпус дает всего два контекста, не связанных с обозначением музыкального жанра:

1. *Истинный свет — это Тот, кто зовется Словом"; на сей раз в подлиннике отсутствует не только "Тот, кто зовется", — вообще свободная **инвенция** переводчицы [Аверинцев Сергей. *Канонические Евангелия. Перевод с греческого В. Н. Кузнецовой: Рецензия // "Альфа и Омега", 1994*]*

2. *Погребальная символика обелиска оказалась **инвенцией** Рафаэля, результатом смешения обелиска и пирамиды. [Григорий Ревзин. *Очерки по философии архитектурной формы (2002)*]*

Оба примера – речь специалистов в области искусства и философии; анализ данных – повод попутно поговорить со студентами о специфике словоупотребления в речи представителей разных профессий. Понятие жаргона ассоциируется у большинства молодых людей исключительно с «грубой» манерой речи. Существование других типов

жаргона, например профессиональных, способных строиться на базе лексики самого «высокого» научного стиля, будет для них открытием.

Понятие диспозиции, скорее всего, будет знакомо аудитории, хотя бы немного начитанной в области военной истории. Приведем всего один из многочисленных примеров:

1. *Хотя этот случай мог произойти не от его вины, а по ошибке квартирмейстерского офицера, давшего в темноте неверное направление корпусу, однако ж все-таки невыполнение графом **диспозиции** войск к сражению должно было сильно огорчить его.* [И.И. Лажечников. Несколько заметок и воспоминаний]

Другой пример, возвращая нас к разговору о профессиональном сленге (на этот раз музыкальном), ставит, кроме того, проблему уместности использования заимствований – обсуждение ее наверняка будет близко современному студенту, наблюдающему «бум» американизмов:

2. *Сюда же примешивается и жанр "Страстей", вполне определенно проявившийся в **диспозиции** целого: повествовательные речитативы героя, перемежаемые хорowymi, сольными и ансамблевыми фрагментами.* [Vita nova // "Российская музыкальная газета", 2003.05.14]

Последнее из трех наиболее значимых для риторики понятий (примеры на «акцию» нами в НКРЯ не обнаружены) – элокуция – характеризуется яркой негативной окраской:

1. *Одни кричат: "Слово жило раньше бога", а другие: "Врете! слово было в боге, оно есть — свет, и мир создан словосветом". В Оптин ходили, к старцам, узнать — чья правда? Убогая **элоквенция** эта доводит людей до ненависти, до мордобоя.* [Максим Горький. Жизнь Клим Самгина. Часть 2 (1928)]

2. *Подожди, когда сделают тебя профессором какой-нибудь **элоквенции**, тогда и угнетай и пыли.* [Максим Горький. Жизнь Клим Самгина. Часть 1. (1925)]

3. *...витиевато повторяя официальную ложь, укрепляя эту ложь средствами своей **элоквенции** и стиля, тут же, втихаря, на "кухнях" приладилась над этой ложью издеваться.* [Аннинский Лев. Руки творца // "Дружба народов", 1996]

4. *Невежество учит, создает свои концепции, дефиниции, **элоквенции** (все это его излюбленные слова), невежество выступает против невежества, разве вы не видите, сударь, что против невежества выступает невежество, что продают разум и душу, что совесть продают?* [Феликс Кривин. Хвост павлина (1981–1987)]

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с тем же недоверием к красноречию, которое присуще отношению массового сознания к риторике в целом. Небольшой экскурс в историю, демонстрирующий постепенное сужение «риторики» до «умения говорить красиво», позволит преподавателю, во-первых, еще раз отмежеваться от стереотипных представлений об ораторском искусстве как искусстве убедительной лжи и, во-вторых, предоставит возможность обсудить роль риторики в обществе. Особенно интересными представляются в этой связи примеры из произведений М. Горького (1 и 2): студента наверняка приведет в недоумение сила эмоций, вызываемая у героев понятием, о котором сам ученик, скорее всего, прежде едва ли слышал. Заметим, что и в этом случае НКРЯ поможет «оживить» термины, способные у многих вызвать лишь скуку. Удивление, спровоцированное конкретным текстом, породит любопытство, и решение «загадки» (а оно, разумеется, сведется к описанию сфер функционирования красноречия в России конца XIX века, краткому анализу особенностей юридического и церковного образования тех лет и, возможно, сравнению значимости «элоквенции» для дореволюционного и постреволюционного российского государства) станет реакцией на запрос ученика.

Одна из трудностей преподавания риторики в университете связана с отсутствием сборников практических заданий, приспособленных к нуждам конкретной аудитории. Как известно, многочисленные учебные пособия подобного рода рассчитаны либо на специалистов-филологов и поэтому крайне трудны, либо на участников разного рода психологических тренингов – такие материалы, как правило, охватывают исключительно область лингвистического манипулирования и часто отличаются поверхностностью и неточностью. Учить убеждающей речи, ограничиваясь лекциями, невозможно, а для практических занятий преподавателям, представляющим принципы риторики студентам-менеджерам или студентам-политологам, скорее всего, понадобятся разные упражнения. Национальный корпус в состоянии стать инструментом, позволяющим привести тексты заданий в соответствие с профессиональными интересами учеников, экономя время на поиски материала.

Ниже мы предлагаем контексты, найденные нами в подкорпусе публицистических текстов последних лет (с 2000 года создания). Наша задача – подкрепить тренировочным упражнением полученные студентами-политологами теоретические знания о системе аргументации, типах аргументов и принципах их использования в текстах-доказательствах. Темой упражнения была выбрана «война». Примеры, взятые из НКРЯ, оставлены нами почти без изменений (в отдельных случаях местоимения были заменены

соответствующими существительными, опущенные сказуемые восстановлены; иногда менялось также время глагола); источники, кроме последнего примера, не указываются. Текст упражнения представляет собой 10 аргументов, которые могут быть использованы в публицистическом антивоенном тексте.

1. По самым скромным подсчетам, за 100 прошедших лет на Земле произошло 126 войн, конфликтов, вооруженных мятежей, путчей и восстаний.

2. Война, даже маленькая, не выключается, как телевизор

3. Действительно, последний временной отрезок второго тысячелетия нашей эры ознаменован небывалым доселе кровопролитием: если в XIX веке войны и военные конфликты унесли 5 млн. жизней, то в XX-м — 140 млн.

4. Война продолжается потерянными поколениями вернувшихся с войны, остается в душах тех, кто на ней побывал, минирует судьбы близких им людей.

5. Вот неполный список того, что имеет к нашей стране самое прямое отношение: Первая мировая война, гражданская война в России, советско-польская война, гражданская война в Испании, бои на Халхин-Голе, Вторая мировая война, события 1956 года в Венгрии, война в Афганистане.

6. **Поскольку** российско-чеченская **война** — это, по существу, следствие фундаментальных, ценностных противоречий, то очевидно, что движущий ее конфликт может быть разрешен лишь на том уровне, в котором коренятся его причины

7. "Вьетнамский синдром", "афганский", "чеченский" — синдром войны подспудно живет в общественном сознании.

8. Политическое действие должно быть нравственным, а, следовательно, религиозно оправданным, поэтому вместо войн и борьбы наций необходимо создание всемирного союза свободных народов, действие "закона любви" в международных делах.

9. Войны приобретают тотальный характер, ставят на службу фронтам экономику сражающихся стран, весь потенциал непосредственно втянутых в вооруженную борьбу наций без остатка.

10. Я там был до **войны** / сентябрь 1992 года и мне **жаловались** жители / как над ними издеваются. [Владимир Жириновский. Беседа В. Жириновского со слушателями радиостанции "Эхо Москвы", Москва // (2003–2004)]

Задача студентов – распределить аргументы по группам (примеры 1, 3, 5 – естественные аргументы; примеры – 2, 4, 7, 9 – аргументы к пафосу; пример 6 – логический аргумент; пример 8 сочетает логический аргумент с аргументом к этосу,

наконец, пример **10** – ссылка на авторитет). Очевидно, что многие примеры хотя и вписываются в одну из традиционных категорий аргументации, но могут быть осмыслены по-разному: преподаватель вместе с учениками должен создать гипотетические контексты, в которых одна и та же фраза в состоянии доказывать тезис то представляя факт, то обращаясь к логике, то апеллируя к морали или к чувствам. Особого обсуждения требуют примеры **8** и **10**. В обоих случаях сила доказательности как аргумента, так и ссылки на авторитет в высокой степени зависит от характера аудитории. Стоит предложить студентам описать публику, для которой оба доказательства окажутся значимыми (не следует забывать и о «двойной» природе приведенной ссылки на авторитет: в качестве авторитета здесь выступает политик, который, в свою очередь, сам ссылается на свидетельство очевидцев событий). Заметим, что анализ тех же примеров может стать приглашением к более общему разговору о необходимости для оратора/автора изучения аудитории: студенты должны уяснить одну из основных особенностей убеждающей речи – использование элементов, значимых не только/не столько для автора, сколько для его читателей или слушателей.

Следующим этапом работы является классификация аргументов по их силе; мы советовали бы преподавателю не составлять заранее собственных схем: варианты, предложенные студентами, скорее всего, окажутся и оригинальными, и убедительными.

Вспомнив затем классические модели расположения аргументов по степени доказательности и выделив их основные достоинства и недостатки, студенты перейдут к составлению связного текста. Такого рода работа представляется крайне полезной по многим причинам. Во-первых, она развивает навык использования фактического материала – умение, представляющееся очевидным, однако в действительности требующее тренировки. Мы советовали бы еще перед началом эссе обратить внимание учеников на способность примеров **1** и **5** в разных контекстах служить полноценными аргументами в пользу тезиса (войн быть не должно), антитезиса (войны нужны), а также являться фактами, не имеющими отношения к аргументации. Во-вторых, составляя текст из готовых, подробно изученных примеров, студенты начинают чувствовать разницу между «аргументами к вещи» и собственно риторическими доказательствами – навык, который затем пригодится им не только при сочинении собственных произведений, но и при погружении в чужую речь, в частности, речь СМИ. Наконец, написанные студентами многочисленные и непохожие одна на другую работы послужат наглядной демонстрацией роли авторского начала в публицистике: выбрав наиболее своеобразные эссе и обсудив их, преподаватель покажет, как один и тот же исходный материал по-разному осмысливается, преломляясь через индивидуальное восприятие автора.

Последняя группа заданий, которые мы хотели бы предложить, имеет отношение к преподаванию теории тропов и фигур, обязательному для каждого курса риторики. Начинать разговор о тропах принято с метафоры, подвести к пониманию которой, в свою очередь, помогает анализ механизма сравнения. Как известно, сравнение позволяет открыть новое в сравниваемом объекте – это утверждение может показаться тривиальным, однако оно не всегда очевидно студентам. Сравнение часто мыслится ими как избыточный набор слов, необязательное украшение, служащее для придания тексту особой возвышающей «литературности». Наиболее простой способ продемонстрировать функциональность сравнения – предложить мотивировать его. Составляя упражнение, мы пользовались данными НКРЯ (поиск в подкорпусе публицистики после 1980 года создания). Каждый из полученных примеров был видоизменен таким образом, чтобы критерий сопоставления оставался неясным. Перед студентами ставится задача выяснить, почему один объект мог напомнить автору другой, и, тем самым, выделить в описываемом явлении качества, неясные в отсутствие сравнения.

1. Светлую ванную комнату с **полом, напоминающим воду** в каналах, украшают ширма XVIII века и коллекция изделий из серебра.
2. Сегодня в киосках периодика перестала пользоваться приоритетом, ее отправили на задворки; сами же **киоски напоминают свалки**.
3. На следующий день **двор напоминал лесосеку**.
4. Редакционный водитель сидит все время в углу и заполняет какие-то **бланки, напоминающие карту Советского Союза**.
5. Здание напоминало батарею центрального отопления для квартиры великанов.

В исходных вариантах примеров 1, 2, 3, 4 авторы, не полагаясь на фантазию читателя, сами выделяют свойства, подчеркнутые сравнением (пример 1 - грязно-зеленый цвет пола, пример 2 – отсутствие «четкой выкладки продукции», пример 3 – распиленные, разрубленные и вывозимые со двора деревянные сооружения, пример 4 – гигантский размер бланков); в примере 5 сравнение оставлено автором без объяснений. Следует обратить внимание студентов на то, что отсутствие указания на критерий сопоставления возможен лишь при наличии яркого образа, обеспечивающего богатство интерпретаций – в противном случае сравнение либо вызовет недоумение (пример 4), либо будет истолковано вопреки намерениям автора (мокрый пол в примере 1). Заметим, однако, что мы не стали бы настаивать на обязательном знакомстве студентов с истинным замыслом

авторов приведенных контекстов: на фоне предложенных самими студентами интересных толкований авторские идеи могут вызвать разочарование.

Представив сравнение как способ лучше узнать явление через соположение его с другими, удобно перейти к разговору об аллегории, одна из целей которой – облегчить понимание неизвестного. Характерным признаком аллегории является сочетание в ней внимания и пренебрежения к сходству. Основная и едва ли не единственная трудность, с которой сталкивается преподаватель, объясняющий этот материал, – отсутствие подходящих примеров. Аллегии, которыми изобилуют басни, давно приелись недавним школьникам. Античные аллегии также либо неизвестны самому преподавателю, либо давно стали избитыми штампами. Разумеется, набрать достаточное количество материала при желании можно – достаточно обратиться к описаниям эмблем и специальным трудам. Впрочем, существует и еще один – менее авторитетный, однако, более доступный источник информации об аллегиях. Мы имеем в виду разного рода электронные базы данных и, в частности, НКРЯ. Задав поиск по глаголу «символизировать» в публицистике от 1985 года создания, мы получили 106 контекстов, многие из которых могут стать предметом любопытной дискуссии на уроке. Обсуждая эти контексты, следует указать на то, что глагол *символизировать* представлен здесь в своем обиходном употреблении и отсылает не к символу, а к аллегории.

1. В разных культурах **черепаха символизирует силу**, терпение, выносливость, постоянство, неторопливость, плодородие и долголетие. [*Мудрая черепаха // Пятое измерение, 2003*]

2. Куб из черного гранита, над которым парит бронзовая **чайка, символизирует толщину** океанских глубин, а птица олицетворяет души погибших моряков. [*Константин Гетманский, Елена Роткевич. Остатки "Курска" пойдут на сувениры // "Известия", 2002.11.15*]

3. С балок свисали явно несвежие, судя по цвету, **балахоны, "символизирующие тело**, вывернутое наизнанку, отдающееся чужим рукам". [*Юлия Кантор. Что-то с чердаком. Под крышей Эрмитажа встретились 107 страхов // "Известия", 2001.10.12*]

4. Его чашки выполнены в форме **звезды, символизирующей счастье** и процветание. [*"Мясные рулетки" // "Здоровье", 1997*]

5. **Бандура, конь и дуб** были атрибутами казацкой жизни, **символизирующими народность**, свободу и силу. [*Янина Соколовская. "За нас и вас, за нефть и газ". Виктор Черномырдин стал казацким атаманом // "Известия", 2001.08.*]

И, наконец, обсуждение сравнения и аллегии приближает студентов к пониманию метафоры. Первый этап преподавания основ теории метафоры – описание феномена языковой метафоры. Ее существование не всегда осознается студентами, знакомыми по курсу школьной программы с метафорой художественной. Значимость языковой метафоры для выстраивания, в частности, наивной картины мира служит достаточным основанием для того, чтобы научить студентов ее воспринимать. На материале Национального корпуса нами было составлено упражнение на выделение «наивной метафоры» среди метафор авторских (их анализ также может стать частью посвященного метафоре семинара). Объектом метафоризации в нашем случае послужила «звезда».

1. А зачем **звездам** напрасно гореть? [Тихон (Тим. Собакин) Хоботов. Уходя гасите солнце // "Трамвай", 1990]

2. Я боюсь разминуться с тобой / В суете, на ухабах дороги, / С дальней дали вернуться б домой / И слезу уронить у порога, / Может быть, на исходе дня / В тайне ночи, под рогом месяца / Нам укажет дорогу луна, / **Звезды** россыпью под ноги свесятся. [Надежда Шимановская. Поэзия // "Жизнь национальностей", 2001]

3. Он в эти секунды глядел ошеломленный на одинокую Полярную **звезду**, указывающую с неба путь заблудшему человечеству. [Евгений Попов. Полярная звезда (1970–2000)]

4. И опять Полярная **звезда** в упор и горько глядела на свою заблудшую землю. [Евгений Попов. Полярная звезда (1970–2000)]

5. А на небо уже **звёзды** взошли. [Владислав Бахревский. Медвежьи сказки // "Мурзилка", №10, 2002]

6. Дважды ему попадались маленькие поляны, и тогда можно было взглянуть на мерцающие в вышине **звезды**, такие спокойные и голубые после опасных **звезд** леса. [Вячеслав Рыбаков. Художник (1981)]

Мы намеренно усложнили задание, ограничив подкорпус текстов произведениями художественной литературы: все полученные примеры демонстрируют «литературность» метафор, среди которых надо, во-первых, выделить те, что строятся на основе метафор языковых (примеры **1, 3, 5**), и, во-вторых, указать способы превращения их в метафоры художественные.

Изучение метафоры обычно строится как изложение посвященного ей богатейшего материала, дополненное анализом метафор, встречающихся в художественных и публицистических текстах. Метафора, как и все тропы, – сложная для понимания тема, именно поэтому мы рекомендовали бы и в этом случае использовать упражнения, нацеленные не только на аналитическую работу, но и на творчество студентов.

Самостоятельно придумать метафоры – задача нелегкая даже для специалиста-филолога, но, тем менее, посильная студентам-экономистам или психологам. Между тем, имея в качестве исходного материала сравнение, решить ее не представляет большого труда – во всяком случае, задание выразить одно явление в категориях другого воспринимается как увлекательная игра, требующая всего лишь особого рода ловкости. Мы выбрали сравнения из контекстов, найденных в Национальном корпусе (модель для поиска: А похоже на / как В). Например:

Любовь, как огонь, — без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

На основе контекстов наподобие приведенного выше преподаватель создает ряд возможных сравнений для некоторого слова – в данном случае *любовь* - и предлагает его студентам: *любовь как огонь, сумасшествие, ярость, война, бабочка, спинка стула, теплая вода, сладкие ягоды*. Результатом должна стать фраза или связный текст, содержащий развернутую метафору. Например: *Его чувство разгоралось с каждым днем, бросая отблеск на все, что происходило вокруг*. В конце преподаватель может удовлетворить любопытство студентов, прочитав им исходные контексты.

Мы начали статью с указания на необходимость «оправдания риторики», осознаваемую большинством преподавателей и авторов учебных пособий. НКРЯ помогает обосновать актуальность и полезность дисциплины. С его помощью преподаватель быстро создает упражнения на живом, значимом для студентов языковом материале; такие упражнения, во-первых, отвечают специфике профессиональных интересов аудитории и, во-вторых, представляют овладение риторическими навыками как процесс творчества. Мы привели лишь несколько возможных типов заданий; очевидно, что на базе Национального корпуса могут быть созданы самые разные тренировочные упражнения, позволяющие мотивировать студентов к изучению таких непростых понятий, как топос или троп.

Литература

Клюев Е. Риторика. М., 2005.

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Ростов на Дону, 1994.

Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. М., 2002

Daniel Krieger, Corpus Linguistics: What It Is and How It Can Be Applied to Teaching,
www.iteslj.org

